

Спасите наши души!

Владимир МЫШКИН

Достоинством широкой общественности обстоятельства трагедии, произошедшей в ночь с 27 на 28 августа 1952 года в Северной Атлантике, когда потерпели крушение сразу три траулера - СРТ-103 Ракета, СРТ-142 Гонг и клайпедский СРТ-339, стали известны относительно недавно. В советское время это событие было, можно сказать, засекречено. Во всяком случае, в областном архиве, где хранится документация бывшего УЭЛа (управление экспедиционного лова), чья-то заботливая рука аккуратно изъяла все, что было связано с той экспедицией. В газетах о ней тоже ничего не писали. И лишь десять-пятнадцать лет назад благодаря очевидцам трагедии и родственникам погибших стали всплывать подробности катастрофы. Вадим Александрович Румянцев – один из тех, кто своими глазами видел, как пошел ко дну СРТ-103. - В тот год рыболовный флот УЭЛа, состоявший из нескольких десятков СРТ и флагманской плавбазы Тунгус, вел лов сельди между Фарерскими островами и островом Ян-Майен, - рассказывает Вадим Александрович. - Я был старшим механиком на СРТ468. 27 августа мы с грузом свежесоленой сельди (улов оказался невероятно богат, бочки стояли не только в трюме, но и на промысловой палубе) дрейфовали недалеко от плавбазы, ожидая своей очереди на выгрузку. Погода, по словам Румянцева, была пасмурная, но безветренная. С океана шла лишь небольшая зыбь. Однако ближе к вечеру небо потемнело и волнение усилилось. Выгрузка прекратилась, и с наступлением сумерек суда рассеялись, потеряв друг друга из виду. После того, как синоптическая служба Тунгуса объявила штормовое предупреждение, на СРТ-468 была проведена авральная работа. Команда закрепила находящиеся на палубе бочки и сети канатами и установила по обоим бортам привязанные к длинным концам (10-12 метров) спасательные круги и дрейфтерные буи. - Поздним вечером, примерно около 22.00, капитан Юрий Климович вызвал меня и группового механика в рулевую рубку и показал идущее параллельным курсом судно, - продолжает Румянцев. - Примечательно, что это судно шло без ходовых огней - только на верхнем мостике горела небольшая лампочка. Ничего не понимаю, - пожал плечами капитан. - Радист запрашивал все суда - кто идет без ходовых огней, но никто не отозвался». Тут в рубку зашел радист и передал капитану листок бумаги, на котором было написано: маш. затоп. ком борт, и сказал, что с трудом принял эти несколько слов - очевидно, передатчик работал от разряженных аккумуляторов. Это наш сосед, - сделал вывод капитан. - Он терпит бедствие. Объявляю общесудовую тревогу. - С разрешения капитана я отправился на палубу, - вспоминает Румянцев. - К тому времени ураган уже бушевал вовсю. Ветер был такой, что ходить по палубе не представлялось возможным, поэтому мы ползали по-пластунски. Важно отметить, что прожекторов на СРТ-468 не было, а надпалубные люстры освещали только собственно палубу и несколько метров за бортом. Некоторое время мы безуспешно вглядывались в кромешную тьму, и вдруг вспыхнул огонь. Это на верхнем мостике идущего ко дну 103-го (как потом выяснилось, это был именно он) оставшиеся в живых члены команды разожгли костер. Зрелище перед нами предстало ужасное: на поверхности оставалась только носовая часть судна, корма же практически погрузилась в воду. Вокруг плавали пустые бочки, доски и люди. Через две минуты рубка ушла под воду. Костер потух, и вновь стало темно. Тем не менее вся команда 468-го рассредоточилась по бортам, пытаясь найти в воде хоть кого-нибудь живого. В темноте я заметил очертания человека и бросил ему спасательный круг с привязанным концом, - продолжает свой рассказ Вадим Александрович. - Потянул и вытащил окровавленного Александра Семко, с которым ходил в море на СРТ-109 два года назад. В это время мои товарищи также вытаскивали людей. Помню, как гребень волны поднял какого-то человека выше планшира - его схватили за одежду и приземлили на палубу. Это был старший механик СРТ-103 Егор Лошкевич. Сквозь свист ветра и удары волн Румянцев услышал голос боцмана, который звал на помощь. Когда он подполз к нему, то увидел, что за бортом за один спасательный круг держатся три человека. - Лицо одного из них было забинтовано, - вздыхает Вадим Александрович. - Одной рукой он держался за круг, а другой пытался протянуть нам какой-то пакет. Судя по всему, документы. В этот момент судно резко накренилось, конец, к которому был привязан спасательный круг, натянулся, и два человека, оторвавшись от круга, ушли под воду. Больше мы их не видели. Третий не разжал рук и удержался на круге. В следующий момент траулер резко опустился, и мы оказались полностью погруженными в воду. Я уцепился левой рукой за планшир и каким-то чудом удержался. Когда вода схлынула, мы продолжили спасение людей. Запомнился один парнишка со 103-го, который после того, как мы затащили на борт, не престаивая бормотал: Спасите, спасите, братцы, спасите, братцы... Экипаж СРТ-103 составляли 23 человека. Из воды в ту ночь было вытаскано 15. Значит, погибло восемь моряков. Но это были не единственные жертвы урагана. Позже Румянцев узнает о том, что СРТ-142 со всей командой пошел на дно. На борту находилось около двадцати человек. В том числе и курсанты-практиканты. Капитан судна Василий Нагаев, вероятно, перед тем, как траулер скроется в волнах, послал в эфир короткое сообщение-просьбу: Передайте жене, пусть бережет дочь. Не выдержал удара стихии и клайпедский СРТ-339. Однако экипаж траулера удалось спасти. Если говорить о причинах трагедии, то она очевидна – страшный ураган. Стихия. Впрочем, сыграл свою роль и человеческий фактор. Как выяснилось позже, штормовое предупреждение не насторожило руководство экспедиции. На Тунгусе уже начали отмечать досрочное и рекордное перевыполнение рейсового задания. Некоторые руководящие работники позволили себе по этому поводу пропустить рюмку-другую. Когда перегруженные СРТ-103 и СРТ-142 еле доковыляли до Тунгуса, веселье там уже шло вовсю. Возможно, поэтому траулерам и запретили выгружаться. Дескать, погодные условия неблагоприятные, обождите, когда ветер стихнет. Неудивительно, что потом несколько крупных начальников были осуждены и получили солидные сроки. Но от этого не легче ни тем, кто погиб, ни оставшимся в живых. Ветераны-рыбаки давно говорят о том, что в Калининграде – городе рыбацкой славы - просто необходим монумент в честь всех тех, кто не

вернулся с промысла. Но их голос в высоких кабинетах еще не услышан. Наш траулер тоже погиб.. С тонущего судна Владимира Зуева и его товарищей успела снять команда СРТ-335. Консервная банка. В одном из предыдущих номеров НК мы рассказали о самой первой в истории Калининградской области морской трагедии: о том, как в ночь на 28 августа 1952 года за Полярным кругом в Северной Атлантике погибли два рыболовецких траулера - СРТ103 Ракета и СРТ-142 Гонг. В янтарном крае нет ни одного мемориала всем погибшим морякам,.. Напомним, капитаном СРТ-142 Гонг был двадцатичетырехлетний Василий Нагаев. В сорок восьмом году он, молодой перспективный специалист, закончивший Херсонский рыбопромышленный техникум, распределился в Калининград, где только-только было создано Управление экспедиционного лова (УЭЛ). Средний рыболовецкий траулер, куда его назначили капитаном, был, в сущности, не приспособлен для выхода в океан. Старая консервная банка, наспех переделанная из немецкого тральщика, еле держала волну. А ловить нужно было сельдь в районе Исландии. Тогда эта рыба - крупная, жирная, отъевшаяся на исландском криле, составляла (в пополам с картошкой) основной рацион советского народа и по значимости приравнивалась к стратегическому сырью... В экспедицию вместе с рыболовецкими траулерами отправлялась плавбаза, куда с лоханок перегружался улов... О том, что в район промысла движется августовский циклон с ураганным ветром, на малых судах не знали. Когда увидели, что погода меняется, двинулись к плавбазе Тунгус, но...там шла вселенская пьянка. Руководство Северо-Атлантической экспедиции отмечало досрочное выполнение годового плана. Пришвартоваться ни Гонгу, ни Ракете не дали - дескать, неблагоприятные для этого погодные условия. Но, отогнав, рыбу сбрасывать запретили. ...Три часа Гонг и Ракета болтались рядом с Тунгусом и отчаянно боролись за жизнь. Нагаев, взяв на себя ответственность, посылал сигналы SOS в пространство (по тогдашним неписаным правилам, капитан мог сделать это только по согласованию с Москвой)... А когда понял, что спасения не будет, вышел в эфир и попрощался со всеми моряками. Попросив: Передайте жене, пусть бережет дочь. Говорят, за эти три часа радистка с Тунгуса - один из немногих трезвых членов экипажа плавбазы - поседела. Прокурору СССР и лично Сталину. ...Гонг ушел под воду со всем экипажем. 21 человек. На Ракете погибли восемь человек, остальных удалось спасти... Официальное сообщение о трагедии пришло в Калининград через несколько дней. Траур в городе не объявлялся - только над портом скорбно ревели гудки судов. А плавбаза Тунгус вскоре вернулась домой как победитель социалистического соревнования, с перевыполненным планом. Власти предпринимали все меры, чтобы засекретить гибель двух СРТ. И только жене капитана Нагаева, бывшей фронтовичке - десантнице, удалось добиться, казалось бы, невозможного: после ее обращения к Генеральному прокурору СССР и лично Сталину в Калининграде была проведена выездная сессия Верховного Суда. Начальник экспедиции Соболев получил 25 лет лишения свободы (через какое-то время его активировали по состоянию здоровья - после инфаркта); отвечавший за безопасность мореплавания Суханов - 15 лет (через три года он умер от рака); помполит Евдокимов - 5 лет (в 1953-м попал под амнистию, объявленную Берией после смерти Вождя Народов). Но гибель траулеров так и осталась закрытой темой. Материалы уголовного дела пылятся в архиве, а у рыбаков нет ни братской могилы, ни даже символически-памятной стелы. ...В заключение материала мы обратились - с приглашением к разговору - ко всем очевидцам трагических событий 1952 года. Первым откликнулся Владимир Василеевич Зуев, В тот роковой шторм он попал на клайпедском СРТ-339 - Мне было тогда девятнадцать лет, - рассказывает Владимир Васильевич. - Я учился в Клайпедской мореходке. Незадолго до августа пятьдесят второго года мы с моим дружкой-однокурсником Альгисом Марцинкявичюсом - и еще с одним пареньком проштрафились; отказались переводиться в военно-морское училище. Нас после второго курса вызвали в мандатную комиссию: Ну что, жаждете стать офицерами? Кортики, погоны... карьера, почет... (Тогда массово требовались офицеры со средне-техническим образованием для службы на торпедных катерах. Доктрина была такая: окружить боевой корабль противника десятками торпедных катеров в расчете на то, что кто-нибудь из них прорвется и поразит цель торпедным залпом...) Мы: Не-а. - Вы что, хотите в тюлькин флоте?! - Хотим. -Ах, так!.. Мы тонули... На исправление нас отправили в Северную Атлантику - на производственную практику, матросами II класса. Когда налетел шторм, наш СРТ держался носом на волну, ожидая разгрузки. У нас были полные трюмы и триста бочек рыбы на палубе. Пришвартоваться к плавбазе (а там кроме Тунгуса были еще две польские) мы не могли. Есть было нечего. На двоих на целый день давали банку консервов и два сухаря. На руле стояли по часу: управление было ручное, цепная передача, больше часа никто не выдерживал. Все были настолько вымотаны, что наступило полное безразличие... Смерти не боялись - о ней просто не думали. Отупели, продрогли... Ночью 27 августа смыло за борт сети. Их наматало на винт - судно стало абсолютно неуправляемым. Бочки на палубе начали перемещаться. А крепление трюмов было несовершенным (кстати, уже после этого случая придумали новое)... Бочки сбили задрайки, вода хлынула в трюмы... А шторм уже достиг двенадцати баллов. Казалось - ВСЕ. Но тут к нам подошел другой клайпедский СРТ-335. И капитан Георгии Яковлевич Дорогайцев принял решение: снять экипаж с нашего гибнущего судна. Рисковал он очень здорово - его траулер с ходу тыкался в борт нашему, а мы прыгали на его палубу...Спаслись все. Даже собаку перебросили. А судно наше утонуло. Случилось это на шестьдесят пятом градусе северной широты и семи градусах восточной долготы. Всех потерпевших крушение затем пересадили на польскую плавбазу. Оттуда - на торговый пароход Кара, который шел из Англии в Мурманск. А 15-16 октября наш экипаж доставили в Клайпеду. Появляемся мы в мореходке: Курсанты Зуев и Марцинкявичюс с производственной практики прибыли. Командир на нас посмотрел - а мы без формы, в чем придется... Почему в таком виде?! - Мы тонули. Он сразу в голосе изменился: Расскажите, интересно... Ну, нам уже интересно не было. Рассказали вкратце. И тут он информирует: А вы зачислены в военно-морское училище. - Как?! Показывает список - и впрямь, там моя фамилия. В самом конце, не по алфавиту, и впечатана другим шрифтом. Видимо, человека не хватило. Пиратское правило. Я начинаю спорить, а командир спрашивает: Тебе сколько лет? - Девятнадцать. - А в армию до сколько берут, знаешь? Щас в военкомат позвоню... Решай: или ты через два года офицер - или семь лет трубишь матросом на флоте. (Тогда на семь лет забирали.) Ну, я и решил. Написал рапорт с просьбой перевести меня в военно-морское

училище. Тут же мне подобрали форму, прилепили на рукав три лычки, бескозырку выдали... Начал учиться. Вроде даже понравилось. А потом умер Сталин - мы как раз перевалили на четвертый курс. Помню, курсанты с автоматами стояли у всех памятников... А после смерти Сталина училище было реорганизовано в гражданскую мореходку. Я попал на практику в Калининград, на СРТ Гарпун. Сюда же в 1954 году и распределился. Сначала - третьим штурманом, потом стал капитаном СРТ. В 1959 году - капитаном дальнего плавания... Еще чрез год перешел в базу тралового флота. Кстати, на БМРТ Агат у меня старпомом был тот самый Дорогайцев, который в пятьдесят втором нас спас. Его за что-то из капитанов на год разжаловали - вот судьба и свела. ...А в шестьдесят седьмом году я вновь попал в водичку. Хотя и говорят, что де снаряд в одну воронку дважды не падает - да, видимо, не в моем случае. Было это на патагонском шельфе. Мы должны были - по обмену опытом - перейти на другое судно. Стали спускать шлюпку, она повисла на одном конце, вся так и посыпалась. Я еще и без спасательного нагрудника оказался. Болтался в воде, пока не подобрали. Потом ребята смеялись - мол, сработало старое пиратское правило: Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Валюта и стукач ...Ходил я и на судах промразведки, и на научных. А закончил - в Мортрансфлоте. Перегонял супер-атлантик в Находку - и был исключен из партии. За что? За незаконную выплату инвалюты экипажу. Мы на севере Англии должны были принять 1000 тонн мороженой рыбы и перевезти на Берег Слоновой кости. А шотландские докеры именно в это время объявили забастовку. К нам приехал представитель их профсоюза: мол, против советских моряков они ничего не имеют, но мы можем или грузить рыбу сами, или ждать месяц, пока не закончится забастовка. Я посчитал - если ждать, убытки колоссальные. И обратился к экипажу. Мол, так и так - все в трюм. А экипаж отвечает: Хорошо. Но за наличные деньги. А вы помните, живую валюту морякам на руки тогда выдавали только в особых ситуациях. По инструкции, все расчеты производились дома, через контору, и получали моряки так называемые боны - чеки для отоварки в специализированных магазинах. Но делать было нечего. И я нарушил инструкцию. Рыбу погрузили. Члены экипажа получили поровну, где-то по \$120-\$150. Отоварились в Сингапуре. А вернулись домой - стукач (их на любом судне было штуки по три) донес. Меня тут же исключили из партии, помполиту и второму штурману вlepили по строгачу. Потом, правда, в райкоме разобрались - и меня в партии восстановили. Исключение заменили на строгий выговор. А через три месяца и его сняли, и предложили снова идти в море. Но я отказался. Хватит. Устроился в Калининградский рыбный порт капитаном-наставником, отработал там шестнадцать лет. В том числе и при Горбенко. Но он тогда был нормальным человеком, это губернаторство его сильно изменило. Хотя... помню, перед выборами в девяносто шестом году он сказал: Мне или в губернаторы, или в тюрьму... А недавно меня сократили. И теперь я - стажер-охранник. А в следующем году у меня - золотая свадьба. Я в пятьдесят первом году ходил матросом на паруснике из Клайпеды в Ленинград, познакомился с девушкой... В пятьдесят пятом женился. Есть дети, внуки, правнуки... Живые и мертвые ...Хорошая, достойная жизнь. Яркая, остросюжетная, как авантюрный роман из серии Здравствуй, море! (издавалась у нас, помнится, такая) - и в то же время типичная для нашего города. И вновь хотелось бы сказать о мемориале - не только павшим, но и живым. И тем, кто ходил в море из-за бескорыстной и романтической любви к дальним странам, и тем, кто откровенно искал там длинного рубля. В конце концов, именно им, морякам, калининградцы обязаны той внутренней свободой, что так выгодно отличает нас от жителей красных регионов России... Мы всегда скептически относились к официальной пропаганде, и к столичной политике - потому что наши отцы, братья, мужья да и просто знакомые, возвращаясь из рейсов, привозили домой не только импортные тряпки и аппаратуру, но и знание - бесценное по тем временам знание того, что действительно происходит за пресловутым железным занавесом. Именно они, моряки, годами создавали предпосылки для стремительного превращения нашего тридцать девятого региона - в некую форточку в Европу (и совсем не наша вина в том, что эта форточка никак не может превратиться в широко распахнутое окно... или дверь). Не говоря уже о том, что они просто делали тяжелую и честную мужскую работу. Часто рискуя собственными жизнями - а иногда их и отдавая. ...А юбилей - и Калининграда, и области - все ближе. И бронзовый Ленин на площади - что бы там ни говорили депутаты городского Совета - уже размечен, пронумерован и подготовлен к разделке. И если даже он уцелеет... или на его месте будет воздвигнута (как предлагает архитектор Копылов) огромная стела, увенчанная фигурой ангела - все это, на наш взгляд, будет несправедливо. Именно моряки - и живые, и нашедшие последний приют на дне Северной Атлантики... или где-то еще - имеют право на памятник... не навороченный и не помпезный, а выполненный просто и искренне... в центре города, перед храмом Христа Спасителя. И пусть этот памятник будет знаком того, что ни один сигнал SOS не пропадает в пространстве, что он обязательно будет услышан, пусть даже с полувековым опозданием. А мы по-прежнему приглашаем к разговору очевидцев трагических событий 1952 г. Да и более поздних лет - отмеченных гибелью РТМ Тукан, БМРТ Чернышевский, траулера Моршанское... - тоже. Какими они были, не вернувшиеся из этих рейсов? Как сложились судьбы тех, кто уцелел? Помнят ли своих отцов дети, хранят ли им верность вдовы, поминают ли давно погибших друзья? И как - с точки зрения тех, кого эти трагедии коснулись непосредственно близко - должна быть увековечена, в камне и бронзе, наша им благодарность? Нормальная, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ...

Д. Якшина